Глава 205: Ты снова мой

Ван Хун так и не отводил с него взгляд, ни одна из предыдущих мыслей не отразилась на его лице. В конце концов, он протянул руку и очень мягко сказал:

— А Жун, идем в мой экипаж, пора идти на аукцион.

Хотя улыбка на его лице была легкой, она являлась откровенно счастливой и радостной…

Чэнь Жун стал немного более благожелателен по отношению к нему, это не походило на его обычную отстраненность по отношению к нему. Он не был язвительным или саркастичным, но хитрым, уверенным и даже капризным, совсем как в их первую встречу в Пинге.

Столкнувшись с протянутой рукой Ван Хуна, теперь смутиться настала очередь для Чэнь Жуна… он опустил глаза, а затем, наконец, протянул свою изящную тонкую руку и вложил ее в его руку.

Когда их руки соединились, пальцы Ван Хуна невольно задрожали. Радость сверкнула в его глазах… Неужели он, наконец, перестал упрямиться?

Взяв его за руку, он повел юного омегу к своему экипажу.

Как только он сел, то притянул юношу к себе. В его крепких объятиях, Чэнь Жун едва мог дышать. Однако он не сопротивлялся. Он тихо лежал в его объятиях и позволил ему крепко себя обнять.

Ван Хун склонил голову и прижался лицом к его шее, сказав слегка взволнованным тоном:

— А Жун, сегодня я действительно… — он проглотил оставшиеся невысказанные слова, просто поцеловал его в затылок и счастливо сказал, — А Жун, сейчас я действительно счастлив.

Поскольку Ван Хун был замкнутым и сдержанным человеком, слово “счастлив” прозвучало почти так же, как если бы оно неконтролируемо вырвалось из его уст.

Чэнь Жун по-прежнему сидел, опустив взгляд. По-видимому, не замечая его волнения и счастья, он просто спросил:

— Я жрец. Можно ли мне вот так запросто сидеть в твоем шицзюй?

Ван Хун замер.

Он медленно раскрыл его объятия, желая вырваться из них

— А Жун, позволь мне еще немного пообнимать тебя, — отказывался он разжимать объятия.

— А Жун, дай мне немного времени подумать… должен существовать способ, — бормотал он, обнимая, закрыв глаза, и прижимаясь губами к его шее.

Чэнь Жун повернулся к нему и тихо покачал головой.

— Тебе это не нужно, у меня все хорошо. Вопрос о жизни и смерти не зависит от одного человека. Зачем ты продолжаешь думать об этом Цилан? Почему ты настаиваешь, чтобы я остался с тобой?”

Он искоса взглянул на него и улыбнулся.

—Разве сейчас все не в порядке? Я буду оставаться служителем неба всю свою жизнь, а ты все равно женишься на выбранной для тебя жене и возьмешь себе наложниц… разве этого еще недостаточно? — Он получит все, что захочет, разве этого еще недостаточно?

Ван Хун наблюдал за Чэнь Жуном. Что тот опять себе придумал? Держать тайну становилось все сложнее.

Его объятия стали жестче. Во рту у него вдруг стало горько, и он не смог заставить себя рассмеяться.

В это время они услышали стук лошадиных копыт.

— Здесь ли Цзышуе Бисе ЦзыЮнь ? — раздался вскоре высокий голос снаружи.

Это оказался голос молодого евнуха, который сопровождал его во дворце.

— Верно, — поспешно ответил Чэнь Жун.

— Как удачно, Его Величество сказал, что нашел интересное развлечение, и хотел бы, чтобы Вы вернулись во дворец и развлекли его, — с улыбкой сказал евнух и вытер пот. Он помолчал, прежде чем добавить, — Его Величество также сказал, что если Ван Ци не перестанет цепляться за Цзышуе Бисе ЦзыЮня , то он тоже может прийти. Его Величество сказал, что хотя Ван Ци и глуп, он обещает никому ничего не рассказывать.

Его пронзительный голос резонировал так, что прохожие останавливались и странно на них оглядывались… И он еще говорит, что Император обещает никому не рассказывать?

И снова Ван Хун молчал.

Во рту у него появилась горечь.

К этому времени вокруг собралось все больше и больше прохожих. Они перешептывались между собой и нетерпеливо поглядывали в сторону Ван Хуна.

— Это экипаж Лан'я Ван Ци, — раздавались голоса среди толпы.

— Его Величество сказал, что он глуп, интересно, в каком смысле?

— В экипаже есть какая-то тайна. Подожди и увидишь.

— Цилан, Цилан, дай нам себя увидеть.

Во время всей этой суматохи рука Ван Хуна крепко держалась за талию Чэнь Жуна.

Он взглянул на него сверху вниз.

На лице юноши появилось удивленное выражение. Он уютно устроился в его объятиях, как маленький цыпленок, в его глазах была та нежная тоска, которую он всегда хотел увидеть от него… Проблема была в том, что время очень неподходящее.

Они только что покинули дворец, а он все еще держал в своей карете служителя неба и шептал ему на ухо сладкие пустяки…

Когда он взглянул на него, его внезапно осенило – прошло всего неполных двое суток с тех пор, как Чэнь Жуна вызвали во дворец перед аукционом, но все изменилось слишком быстро, и он не сумел так быстро отреагировать… Что важнее, уловки принца и слова Чэнь Жуна, вместе взятые, больше походили на розыгрыш двух шутников, разыгрывавших его.

Ван Хун спокойно посмотрел на Чэнь Жуна.

В его объятиях находилась чистейшая нежность и тепло.

Его объятия внезапно сжались вокруг него сильнее и он вновь оказался в них.

— Это еще один твой трюк, А Жун? — спросил он, положив на его макушку голову и закрыл глаза.

Его губы коснулись мочки ее уха, щекоча ее теплым дыханием:

— Ты думал, что Лан'я Ван Ци, как наследник дома Ван, будет заботиться о своей репутации… чтоб не быть смешным в глазах других, Лан'я Ван Ци станет воздерживаться от приближения к А Жуну. Может Его Величество или кто-то из моей семьи обещал тебе, что пока ты так поступишь, даже если Ван Ци покинет тебя, даже если Ван Ци больше не будет защищать тебя, они будут на месте Ван Ци и гарантируют твое благополучие?

Даже если современные ученые считали нетрадиционные связи красивыми, а противопоставление – модным, связь с мужчинойи тем более служителем неба, была в конечном счете не блестящей, а абсурдной.

Такая интрижка нанесла бы ущерб его репутации. Если не брать нккоторые неучтенные А Жуном мелочи: он могущественный, невероятно талантливый омега, он действующий императриль, Глава ордена, угодного небесам, Владелец рубежного хребта… а он начинающий вампир-альфа, Хранитель имперарского дома и лично этого омеги, наследник своего дома…ну это пока…но наследник принца Наньньяна — это уже навсегда.

Он спокойно наблюдал за Чэнь Жуном, его пальцы расчесывали его волосы.

Он ждал ответа на свой вопрос.

— Это не совсем так, — мягко покачал головой он.

— Я… — он вдруг испугался. Его доброта была странной. Он боялся, что не сможет скрыть своих чувств. Да, это все из-за страха…

Женя боялся, что однажды его затронет вся эта сексуальная озабоченность окружения вновь , и что время смягчит его решимость и сотрет болезненный урок, выученный А Жунь и им самим ранее… Если один простой способ может оттолкнуть Претендента и дать защиту и покой, которых он так желал, тогда он чувствовал, что стоит попробовать.

Он не ожидал, что Цилан заметит его уловку еще до начала представления.

В это время крики и смех снаружи стали гораздо громче. Молодые девушки толпились вокруг кареты и тянулись к занавеске.

Услышав эти звуки Ван Хун нетерпеливо нахмурился. Повысив голос, он холодно приказал:

— Избавьтесь от них.

Застигнутые врасплох, охранники не сразу нашлись, что ответить. Они выехали вперед и

начали кричать на толпу.

Как нежный Ван Цилан может с ними так обращаться? Молодые девушки не могли поверить своим ушам. Когда стражники прогоняли их прочь, одна из них поспешно крикнула:

— Цилан, Цилан, это точно ты? Ты действительно так приказал?

Под ее плаксивые крики еще несколько девушек-поклонниц разрыдалось.

Ван Хун просто не обращал на это внимания. Он склонил голову и все свое внимание посвятил только Чэнь Жуну.

Его изящная рука скользнула по его волосам и дернула, когда его пальцы коснулись традиционного пучка.

Его даосская прическа распалась, и темные волосы каскадом рассыпались по плечам.

Он нежно взял юношу за подбородок и приподнял его.

Когда они смотрели друг другу в глаза, Ван Хун опустил голову к губам Чэнь Жуна и прошептал:

— Ты ошибаешься, А Жун.

Ошибается?

Чэнь Жун недоуменно моргнул.

Его губы вернулись к глазам, целуя длинные ресницы, и он прошептал:

— Ты думаешь, меня волнует репутация?

— Если уж быть честным до конца, то я все же немного забочусь о ней … — усмехнулся он, обдавая ее лицо своим теплым дыханием. — Но я предпочту оказаться осмеянным всем миром, если это означает держать тебя в своих объятиях.

Сказав это, он поднял правую руку и раскрыл занавески.

Люди снаружи обернулись, и, сталкиваясь головами, пытались заглянуть в экипаж.

Они были ошеломлены увиденной картиной, как Ван Хун страстно целует монаха.

Евнух, пришедший по приказу Императора, тоже был потрясен.

Все звуки растворились в оглушительной тишине.

В этой тишине Ван Хун продолжал обнимать Чэнь Жуна. Он обнял его лицо и, не обращая внимания на пристальный взгляд толпы, прикусил кончик его носа, капризно приговаривая:

— Смотри, цинцин, ты снова мой.

Сказав это, он на глазах у всех обнял Чэнь Жуна и поднял глаза на евнуха. Он слегка наклонил голову, сверкнул улыбкой и вежливо сказал:

— Пожалуйста, доложите Его Величеству, что у моего цинцина сейчас нет времени с ним развлекаться. Может быть, в другой раз…

Затем он нахмурился и любезно спросил:

— Почему задержка?

Молодой евнух совершенно растерялся, и не находил слов. Он хотел возразить, но Ван Хун показал, что Цзышуе Бисе ЦзыЮнь принадлежит ему. Если Ван Хун при всех скажет, что он принадлежит ему, то как такой евнух, как он, может принудить его уйти?

Он поклонился Ван Хуну и ускакал прочь.

Люди из дворца ушли под стук копыт, но аристократы и простолюдины все еще стояли вокруг, наблюдая за происходящим…

Неземной Ван Цилан держал перед всеми растрепанного Цзышуе Бисе ЦзыЮня так интимно и бесстыже.

Совершенно ошеломленная, Девятая принцесса отреагировала первой. Она шагнула вперед и ухватилась за ручку кареты.

— Цилан…, — выпалила она, а затем с усилием успокоилась. В ее глазах стояли слезы, когда она печально на него посмотрела. После того, как слезы покатились по ее изящному лицу, Девятая принцесса сказала с чувством утраты, — Цилан, этот мальчишка – монах, посвященный (в духовный сан) Его Величеством… то, что ты творишь, не имеет никакого смысла. Все в тебе разочаруются.

Она его по-доброму уговаривала.

Ван Хун повернулся и посмотрел на нее.

Он слабо улыбнулся ее заплаканным глазам и милому, но явно расстроенному лицу.

Такая улыбка, исходящая от такого величественного человека, как он, делала его похожим на вечно заснеженную гору или на небесное существо, спускающееся на землю – отчужденным и беззаботным.

Со слегка приподнятыми кончиками красных губ, Ван Хун тихо рассмеялся:

— Благодарю, Ваше Высочество, — затем он снова посмотрел на Чэнь Жуна.

Его взгляд казался совершенно обычным – в нем не было ни нарочитой нежности, ни особой привязанности. Однако на этот раз принцесса не могла не признать… эти глаза заставят всех девушек, восхищавшихся им, ощутить безысходность. Его глаза так сосредоточены! Той самой сосредоточенностью, которой ни эта женщина, ни сам Ван Хун никогда не замечали. Эта сосредоточенность, принадлежащая мужчине, который неосознанно запечатлел кого-то в своем сердце.

После того, как Ван Хун поблагодарил принцессу, он сказал вознице:

— Думаю, все достаточно насмотрелись, теперь мы можем следовать дальше.

Возница ответил ему, прикрикнув на лошадь. Как раз в тот момент, когда он собирался щелкнуть кнутом, молодые аристократы вновь окружили экипаж.

После того как они окружили их экипаж, молодая девушка со слезами на глазах посмотрела на Ван Хуна и произнесла:

— Я не верю этому, не верю!

— Цилан, скажи, какие у этого мальчика имеются достоинства? — спросила она.

— Какие достоинства имеются у деревенщины вроде тебя?! — повернувшись к Чэнь Жуну, крикнула она ему.

Только ко второму крику Чэнь Жун очнулся от своих мыслей…

Чэнь Жун помотал головой, пытаясь прояснить находившуюся в хаосе голову. На третьем

вопросе девушки Чэнь Жун приподнял брови и посмотрел на Ван Хуна.

В глазах Чэнь Жуна та увидела нежность и снисходительность, которые в остальном оставались слишком спокойны.

Увидев взволнованное лицо Чэнь Жуна, он вдруг расхохотался.

Молодая девушка подскакивала вверх-вниз, хватаясь за ручку кареты и кричала:

— Ты мне так не ответил! Какие у тебя имеются достоинства?

Какие у него имеются достоинства?

В этот раз Чэнь Жун услышал ее вопрос.

Он неторопливо обернулся.

К сердитой девушке, которая требовала ответа, ко всем позади нее, и тем кто быстро приближался, к плачущей принцессе, которая не могла скрыть своей злобы, Чэнь Жун взял себя в руки и тихо ответил:

— У меня?! У меня их нет.

Когда девушка собралась было высмеять его, Чэнь Жун, казалось, собрался с мыслями. Он улыбнулся всем, кто присутствовал с огоньком в глазах и произнес:

— Я просто один из тысяч людей, случайно привлек его внимание, и я просто каким-то образом стал его испытанием, — вернее, именно он являлся его испытанием. В обеих своих прошлых жизнях он не сумел избежать испытаний любви.

Заметив замешательство девушек, Чэнь Жун элегантно улыбнулся и неторопливо продолжил:

— Поскольку это испытание, то это связь, которая была образованна еще в прошлой жизни… она не имеет ничего общего со статусом или добродетелью.

Собравшиеся женщины все еще не отрываясь смотрели на Чэнь Жуна, но в этот момент они не знали, как им быть, и, что делать.

Чэнь Жун отвел от них взгляд и улыбнулся Ван Хуну. Он потянулся через него к цитре, висевшей на стене кареты.

Его руки скользили по струнам, изящные, но одинокие ноты текли из кончиков его пальцев, будто непрерывная вода.

Чэнь Жун склонил голову, и волосы упали ему на лоб. Мелодия текла по воздуху. И он запел:

— Цветок ивы, цветок ивы, к чьему дому ты плывешь? Твоя злополучная жизнь предназначена для ветра, зачем ты тянешься к цветущей сливе? Если он – снег, заключенный в лед, то почему я встретился с ним?

Когда песня закончилась, он поднял цитру передававшуюся тысячу лет и беззаботно уронил ее на пол кареты!

С громким треском на цитре появилась непоправимая трещина.

— Ваше Высочество, если Вы увидите Его Величество, пожалуйста, не забудьте объяснить ему, что это я соблазнил Цилана и заставил его потерять рассудок и приличия, — с улыбкой сообщил он Девятой принцессе, заводя за ухо прядку.

Сказав это, Чэнь Жун крикнул ошеломленному всеми этими событиями вознице:

— Трогай.

Пока они уезжали, позади них оставалось тихо.

По мере удаления, вокруг начали раздаваться различные звуки реакции толпы на открывшееся им зрелище.

— А Жун, зачем ты так с собой поступаешь? — произнес Ван Хун хриплым и грустным голосом.

Чэнь Жун не обернулся, он только смотрел вниз и оставался неподвижным.

Бессознательно внутренне Ван Хун чувствовал себя несчастным, но также и немного счастливым. Он медленно протянул руки и снова заключил его в свои объятия.

Чэнь Жун не сопротивлялся

В его объятиях он был абсолютно неподвижен.

Ван Хун опустил голову и посмотрел на прекрасного юношу в своих объятиях.

— А Жун, я просто… — тихо произносил он и вздохнул, — Я просто не могу отпустить тебя.

Когда он закончил, Чэнь Жун, лежавший в его объятиях, не смог сдержать слез. Сначала появились всхлипы, но как только он начал, то уже не мог остановиться.

Он зарылся в его объятия и заплакал, его плечи дрожали. К чему было волноваться о своем имени, если все уже разрушено одним махом?

— Цинцин, не плачь… Мне больно видеть тебя таким, — прошептал он, целуя его в макушку, и обнимая покрепче.

На этот раз, как только он закончил, Чэнь Жун стиснул руку в кулак, чтобы ударить его в грудь.

Снова и снова он его бил. Его тренировки в боевых искусствах и гнев делали его удары довольно мощными, и они сильно вколачивались в его плоть.

— Цинцин, милый… Не плачь, это вредно для твоего здоровья, — терпя боль, говорил Ван Хун в волосы на его макушке.

Его голос был настолько нежен, насколько это вообще возможно – его шелковистость являлась самым эффективным средством убеждения.

Но слушая его, Чэнь Жун еще больше его ненавидел.

Он бил его так сильно, что у него начало перекашиваться от боли лицо.

— Только потому, что ты не хотел меня отпускать, — сказал он сквозь слезы, — Ты даровал мне даосское имя и прилюдно принудил Его Величество согласиться с ним. Если бы ты не выставил меня на всеобщее обозрение, то почему я не могу хоть на минуту успокоиться, даже будучи монахом? У меня был план, у меня их было несколько… Это все твоя вина, это все твоя вина. Цилан, как ты можешь быть таким ненавистным? Ты выставляешь меня на всеобщее обозрение, чтобы все аристократы заметили мое существование, и теперь мне приходится терпеть их любопытные взгляды.

Он его ненавидит! Сильно ненавидит! В тот раз, его не должно было быть там, но подсознательно действовал по правилам светского этикета. Что еще важнее, он искренне верил, что теперь все кончено, что после того, как он с ним повидается, то сможет обеспечить себе дополнительную защиту… Он недооценил Ван Хуна.

Теперь он понимал, что даже если бы он не отправился к нему тогда, он все равно даровал бы ему даосское имя. Он нашел бы какой-то другой способ дать людям понять, что Чэнь жун принадлежит ему, и он тот, кто занимает место в его сердце.

Чэнь Жун больше не мог сдерживаться. Он прикрыл рот рукавом, чтобы скрыть злые рыдания и слезы, которые невозможно было остановить.

Увидев это, Ван Хун поспешил прижать его к себе. Он нежно отвел его рукав от лица и прижал к своей груди.

Он же нанес ему еще несколько ударов и прокричал:

— Ты теперь видишь, что случилось. Тебе, похоже, не нравится, что Его Величество обращает на меня внимание. Но у тебя явно есть много способов разгадать его замыслы, так почему же ты выбрал именно этот? А теперь ты окончательно выставил меня в центре внимания. Общество может называть тебя дураком, но как насчет членов твоей семьи? А твои поклонники? Они увидят во мне шлюху, которая принесет тебе гибель, и постараются избавиться от меня. Столкнувшись с этими неотвратимыми угрозами смерти, кроме того, что я завишу от тебя, кроме того, что я буду просить твоей милости, Что еще я смогу сделать? Мне некуда идти и не на кого положиться, так что же мне еще остается делать? Снова и снова ты выбрасываешь меня в море и вытаскиваешь на брошенной тобою же спасительной веревке обратно, выбрасываешь и вытаскиваешь обратно… Я действительно ненавижу тебя!

Чэнь Жун не был глупым. Две его жизни внушили ему сильное желание взять собственную жизнь под свой контроль. Именно поэтому он ненавидел оказаться загнанным в угол человеком, которого любил… И все же он был его Циланом, и его любовь к нему нельзя было оставить.

Несмотря на его рыдания и разговоры, Чэнь Жун все еще бил его в грудь.

Наконец Ван Хун мягко взял его за руку.

Он опустил голову и подул на его покрасневший кулак, приговаривая:

— А Жун, ты повредишь руку, переключись на другую.

От его слов, он зарыдал от злости еще пуще прежнего. Да понял он, что тот использовал «каменную кожу», понял! Черт, ну почему он такой мелкий, беспомощный и слабый? Он ведь почти год занимается этой чертовой культивацией, а сдвигов — фиг вам! Ну ладно есть… и кое-что даже уже получше, чем в его прошлой жизни

Внезапно он потянулся к его шее, укусив ее.

Он хотел вонзить зубы в его сонную артерию. Но в момент, когда он соприкоснулся с его теплой кожей, он не смог этого сделать, и, избегая жизненно важной точки на шее, укусил его за плечо.

Он укусил его и не остановился даже после того, как прокусил до крови. Не успели они опомниться, как рана раскрылась до дюйма шириной.

Он все еще кусал и впивался в него.

Кровь быстро окрасила ткань его белого одеяния.

Когда пролилась кровь, Ван Хун время от времени издавал стон.Даже непонятно от боли или от страсти.

Чэнь Жун перестал кусаться.

Он медленно отодвинулся и посмотрел на Ван Хуна.

Его ясные глаза печально и как то удовлетворенно смотрели на него. Были даже следы зубов, оставленные им на губах от боли.

— У тебя чешутся зубы? Переключись на эту сторону, — со слабой улыбкой он поднес к ней свое правое плечо, но, похоже, при этом он задел рану, поэтому он издал сдавленный стон и замедлил движение.

Чэнь Жун свирепо посмотрел на него и рявкнул:

— Не делай вид, будто не можешь вынести этой боли, — разве он не испытывал такой же боли раньше? Это было ничто по сравнению с его душевной болью.

Сказав это, он больше не кусался.

Оттолкнув его, Чэнь Жун повернулся спиной к Ван Хуну и продолжал дуться.

Когда обиды наконец утихли, он закрыл лицо рукавом и решительно заявил:

— Ненавижу тебя!

Ван Хун снова обнял его. Потершись подбородком о его волосы, он тихо прошептал:

— Знаю.

Чэнь Жун закрыл глаза, и у него снова потекли слезы.

Ван Хун наклонился и поцеловал его между бровей. В конце концов он получил качественную метку. Пожалуй даже более глубокую, чем у Жань Миня.

— Знаю, — повторил он, нежно вытирая его слезы.

— В этом мире так много женщин… И тебе точно нужен наследник, которого я не могу дать. Даже если я использовал тебя первым, ты отомстил и получил то, что хотел. Цилан, ты легко можешь позволить мне жить спокойно. Почему же ты этого не делаешь?

Он медленно поднял его на ноги. Выпив свою кровь из его губ, он мягко сказал:

— Потому что ты мне нравишься, А Жун. Как ты мог оставить меня после того, как повеселился? Как ты мог броситься на поле боя без моего разрешения? Как ты мог улыбаться мне в лучах заката, будучи весь в крови? Ты заставлял меня просыпаться от кошмаров ночь за ночью. Как ты мог последовать за мной в Цзянькан только для того, чтобы стать монахом и оттолкнуть меня от себя?

С нежным взглядом он поцеловал его в брови и сказал:

— Цинцин, как ты можешь заставить меня влюбиться в тебя, а потом убежать? Это слишком удобно для тебя, не так ли?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/1285/36255